

*Развод. Грязными
ногами по душе*

Данна Леднива

Данна Леднива

Развод. Грязными ногами по душе

«Автор»

2026

Леднива Д.

Развод. Грязными ногами по душе / Д. Леднива — «Автор»,
2026

Она строила идеальную жизнь двадцать лет. Ей потребовался один день, чтобы её разрушить. Анна. 42 года. Замдиректора. Властная. Целеустремлённая. Идеальная жена и мать на бумаге. Одна найденная заколка в кармане мужа перечёркивает два десятилетия брака. Измена. Любовница — её подчинённая. Сын, который её ненавидит. Работа, которая вот-вот рухнет. Она может уничтожить любовницу. Может отсудить квартиру. Может сломать карьеру мужа. Но сможет ли она признать, что за двадцать лет сама превратила дом в казарму, а мужа — в бесправного солдата? «Развод. Грязными ногами по душе» — книга о женщине, которую предали те, кого она любила. И о том, как начать жить заново, когда по твоей душе уже прошли.

© Леднива Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1 Человек-оркестр и стеклянный кабинет	7
Г	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Развод. Грязными ногами по душе

ПРОЛОГ

Скамья в судебном коридоре неудобна по замыслу. Это я поняла ещё на втором заседании. Дерево отполировано тысячами задних частей, и всё равно — холодное, жёсткое, с лёгким наклоном вперёд, чтобы никто не расслаблялся. Чтобы каждый, кто сюда садится, помнил: здесь не отдыхают. Здесь решают.

Я сижу прямо. Спина не касается спинки. Это привычка — держать спину, даже когда внутри всё давно рухнуло. Каблуки вместе, сумка на коленях. В сумке — папка с документами, которые мой юрист называет «железобетонными». Железобетонными. Это слово я слышу уже третью неделю. Оно должно меня успокаивать. Оно не успокаивает.

Напротив, через два пустых места, сидит Олег.

Он не смотрит на меня. Он смотрит в телефон. Большой, с треснувшим углом экрана — он его так и не поменял, хотя я предлагала три раза за последний год. «Рабочий, — сказал тогда. — Ещё походит». Теперь я понимаю, почему он не менял. Дело было не в телефоне. Дело было в том, что смотреть ему было не на что. Разве что в этот экран.

Большой палец двигается быстро, методично. Он печатает. Короткие сообщения. Длинные паузы. Снова короткие. Я знаю этот ритм. Я видела его раньше, но только сейчас, здесь, в этом коридоре с жёлтым светом ламп и запахом дешёвой мебели, я наконец научилась его читать.

Это не деловая переписка. Деловую переписку так не пишут — с остановками, с перечитыванием, с тем особенным поворотом головы, когда человек подбирает слово. Он подбирает слова. Для неё.

Для Елены.

Я не спрашиваю, как узнала. Это неважно. Важно, что теперь я знаю всё. И сижу здесь, в этом коридоре, не потому, что меня заставили. А потому, что я сама — шаг за шагом, документ за документом, вопрос за вопросом — привела себя и его сюда.

В правом кармане пальто — флешка. Металлическая, тяжёлая, с колпачком, который я кручу большим пальцем уже второй час. На ней — тридцать два гигабайта. Тридцать два гигабайта, которые могут за одно утро обрушить госкорпорацию, в которой я проработала одиннадцать лет. Которые могут отправить в следственный изолятор человека, который подписал мне рекомендацию, когда я только пришла. Которые могут — и это самое страшное — окончательно добить того, кто сидит напротив меня и сейчас, наверное, пишет ей: «Скоро всё кончится».

Я не отдала её. Пока.

Генеральный ждёт. Юрист ждёт. Олег, в сущности, тоже ждёт — просто он ещё не знает, чего именно.

Я смотрю на его руки. Крупные, с коротко стриженными ногтями. На безымянном пальце левой руки — кольцо. Тонкое, золотое, без камня. Такое носят офицеры, когда возвращаются из части. Такие кольца продаются в лавках при воинских частях, и на них иногда гравировка внутри. У его кольца гравировки нет. Я проверяла. В первую же ночь, когда заподозрила.

Он усмехается чему-то в экране. Коротко, уголком рта. Так он не улыбался мне лет пять. Может быть, десять.

И вдруг — не здесь, не сейчас, а где-то глубоко, под рёбрами, где у меня давно должно было остаться только пустое место, — всплывает картинка. Не по моей воле.

Утро. То самое утро.

Я просыпаюсь в пять тридцать. Будильник ещё не зазвонил — я научилась просыпаться за минуту до него, это навык, который вырабатывается у матерей и у топ-менеджеров одновременно. Рядом Олег дышит ровно, глубоко, как человек, который не знает, что такое бессонница. Или делает вид, что не знает.

Я встаю тихо. Пол холодный. В ванной — зеркало, в котором я вижу женщину с короткой стрижкой, без макияжа, с тенью под глазами, которую не скрыть даже хорошим консилером. Сорок один год. Я смотрю на эту женщину и думаю: «Сегодня у тебя день, как всегда. Просто ещё один день».

Я не знаю, что это был первый день, в который всё уже было кончено. Я просто ещё не знала, что знаю.

Флешка обжигает пальцы. Я сжимаю её крепче.

В коридоре хлопают двери. Секретарь высовывается из зала, выкрикивает чью-то фамилию. Олег поднимает голову — наконец-то — и смотрит не на меня, а на дверь. Как человек, который ждёт освобождения.

Я смотрю на него и думаю:

«Хорошо. Ты хотел, чтобы всё кончилось. Сейчас кончится».

Я встаю. Каблуки стучат по линолеуму. Спина прямая. Сумка на коленях больше не лежит — я держу её за ручку, как щит.

В правом кармане — тридцать два грамма металла, которые весят больше, чем вся моя прежняя жизнь.

Я иду в зал.

ГЛАВА 1 Человек-оркестр и стеклянный кабинет

Будильник на телефоне вибрирует в пять двадцать девять. Я открываю глаза в пять тридцать ноль-ноль. Это не интуиция — это настройка. Я научилась просыпаться за минуту до сигнала ещё три года назад, когда Кирилл пошёл в пятый класс и ему нужен был горячий завтрак ровно в семь пятнадцать. С тех пор организм работает по расписанию, как швейцарские часы. Только швейцарские часы иногда заводят, а меня — нет.

Потолок серый. Ноябрьское утро за окном — тоже серое. Олег дышит рядом ровно, глубоко, как человек, у которого нет ни одной причины не спать. Я смотрю на его затылок секунду и откидываю одеяло. Пол под ногами холодный — паркет, который мы не меняли восемь лет. В этом доме вообще мало что меняли. Только я.

В ванной — короткий взгляд в зеркало. Короткая стрижка, которую я сделала в августе и с тех пор только подравнивала сама, ножницами над раковиной. Тени под глазами. Губы без цвета. Я не уродина — я просто женщина, которая забыла, зачем краситься для того, кого не видит.

На кухне — тишина. Холодильник гудит. Я ставлю чайник, достаю из морозилки сырники, которые слепила вчера вечером за десять минут, пока Олег смотрел новости. Включаю ноутбук на кухонном столе. Пять тридцать пять — Шэньчжэнь. Там полдень.

Экран оживает. Три лица в квадратах Zoom. Мистер Лин, мистер Чжан и женщина, которую я про себя зову «миссис Унг», потому что её имя я каждый раз забываю через минуту после представления. Они улыбаются. Я улыбаюсь в ответ. У нас разные улыбки — их улыбки означают вежливость, моя означает, что я слушаю и уже считаю, сколько они нам должны.

— Анна, — говорит мистер Лин на хорошем английском, — по логистике через Владивосток есть вопрос. Таможня задерживает партию на три дня.

Я киваю. Три дня — это не страшно. Страшно, что они говорят об этом в пять сорок утра моего времени, значит, проблема серьёзнее. Я задаю уточняющие вопросы, фиксирую цифры, прошу прислать инвойсы до конца их рабочего дня. Они кивают. Мы прощаемся. Экран гаснет.

На часах шесть десять. Я ещё не пила чай. Чайник давно свистнул — я отключила его механически, не думая. Теперь чай остывший. Я выливаю его в раковину и ставлю новый.

В семь ноль-ноль на кухню заходит Кирилл. Он в школьной форме, которую я глажу каждое воскресенье на неделю вперёд, но рубашка у него всё равно мятая — он спит в ней, я знаю. Волосы взъерошены. В руках — телефон. Он не смотрит на меня.

— Доброе утро.

— Привет.

Он садится за стол. Я ставлю перед ним тарелку с сырниками. Сметана, варенье — всё, как он любит. Он ест молча, листая телефон под столом. Я знаю, что он там делает — стреляет во что-то или переписывается с кем-то, кто для меня важнее, чем я для него. Это не обида. Это констатация.

В семь двадцать появляется Олег.

Он входит в кухню в тёмно-синей форме ЧОПа — выглаженной, с отстроченными стрелками на брюках, с начищенными до блеска ботинками. На груди — шеврон, на рукаве — нашивка. Он чистит форму каждый вечер, это его ритуал. Щётка, крем, круговые движения. Он делает это так, будто всё ещё майор, а не частный охранник на полторы ставки.

— Доброе утро, — говорит он. Голос хриплый, спросонок.

— Доброе.

Он садится напротив Кирилла. Я ставлю перед ним яичницу — два яйца, без лука, как он любит. Он кивает в благодарность. Ест быстро, по-армейски, не разговаривая. Кирилл тоже молчит. Мы втроем за столом — и каждый в своей тарелке.

Олег допивает кофе, встаёт, полоскает чашку под краном — привычка из части, где посуда была общей. Ставит её в сушилку. Поворачивается ко мне.

— Я сегодня до вечера. Объект на Ленинском.

— Хорошо.

— Кирилл, ты сам добираешься?

Сын поднимает глаза от телефона.

— Да.

— Ключ на месте?

— Да.

Олег кивает. Берёт фуражку с полки в прихожей — там у него отведён специальный крючок, как в казарме. Надевает её ровно, поправляет козырёк. Оборачивается.

— Ну, я пошёл.

— Удачи, — говорю я.

Он не отвечает. Дверь закрывается. Щелчок замка. Тишина.

Я смотрю на Кирилла. Он уже встал, несёт рюкзак в прихожую.

— Мам, я тоже пошёл.

— Подожди, сырник возьми.

— Не хочу.

Дверь закрывается второй раз. Я остаюсь одна на кухне с остывшей яичницей Олега, недоеденным сырником Кирилла и своим холодным чаем.

Мы как два соседа по купе. Только купе — четырёхкомнатная квартира на Патриках, и едет этот поезд куда-то, куда я не покупала билет.

Я мою посуду, заправляю постель, проверяю, выключен ли утюг (выключен, я же сама выключила), протираю пыль в гостиной — не потому что грязно, а потому что руки должны быть заняты. В восемь сорок я выхожу из дома. На улице холодно, но сухо. Я иду к метро быстрым шагом — каблуки цокают по плитке ровно, как метроном. Я люблю этот звук. Он означает, что я двигаюсь. Что я в системе. Что у меня есть направление.

В девять ноль-ноль я вхожу в здание госкорпорации. Охрана на первом этаже кивает мне — «Доброе утро, Анна Сергеевна». Я киваю в ответ, не останавливаясь. Лифт до одиннадцатого этажа. Коридор с ковролином, который пахнет пылью и дорогой химчисткой. Мой кабинет — в конце, угловой, с двумя окнами. Стекланные стены. Стекланный кабинет — так его прозвали ещё при прошлом директоре. «Сидишь как в аквариуме, — говорили. — Зато все видят, как ты красиво работаешь».

Я вешаю пальто на вешалку. Сумку — на тумбу. Сажусь за стол. Открываю ноутбук. Почта — сорок семь непрочитанных. Я сортирую их за восемь минут: двенадцать — в работу, девять — в «прочитано, но без ответа», двадцать шесть — делегировать. Это навык. Этому не учат в МВА, этому учишься, когда у тебя трое подчинённых и один генеральный, который хочет отчёты каждый понедельник.

В девять пятнадцать стучат в дверь.

— Войдите.

Входит Елена.

Ей двадцать восемь. Она высокая, худая, с тёмными волосами до плеч и аккуратной чёлкой, которая ни разу за день не лезет в глаза — значит, уложенная у хорошего мастера. На ней серое платье-футляр, чёрные туфли на среднем каблуке, тонкая золотая цепочка на шее. В руках — картонный стаканчик из кофейни на первом этаже.

— Анна Сергеевна, доброе утро. Вам латте на овсяном, два эспрессо.

— Спасибо, Лена. Поставь, пожалуйста.

Она ставит стаканчик на край стола — ровно там, где я обычно кладу правую руку, чтобы не задеть бумаги. Это не случайность. Она знает, где я кладу руку. Она всё знает — где чья ручка, кто когда в отпуске, у кого день рождения у ребёнка. Это её суперсила. И её потолок.

— Спасибо, Лена. Можешь идти.

— Анна Сергеевна, по проекту с «Техносервом» — мне прислали обновлённые сметы, я подготовила сводку, положить вам на стол?

— Положи. И зайди в одиннадцать, обсудим.

— Хорошо.

Она разворачивается и выходит. Дверь закрывается бесшумно.

Я делаю глоток латте. Идеальная температура. Идеальное молоко. Елена варит кофе так, будто это её призвание, а не способ понравиться начальнице. Я отношусь к ней снисходительно — как к перспективной дурочке. Амбиций много, ума — ровно столько, чтобы не мешать. Через два года она вырастет из этого кресла и уйдёт в место, где платят больше. Это нормальная траектория. Я не против.

Я допиваю кофе, открываю сводку по «Техносерву». Цифры сходятся не до конца. Подрядчик — ООО «Бастион-М». Я знаю это название. Я видела его в документах раньше, но не связывала. Сейчас связываю.

«Бастион-М». Учредитель — Смирнов О. В.

Олег.

Я смотрю на эту строчку секунду дольше, чем нужно. Потом закрываю файл. Это не важно. Подрядчиков у него десятки. Это просто совпадение — название, учредитель, ничего более. Я возвращаюсь к работе.

В одиннадцать ноль-ноль — совещание.

Переговорная на восьмом этаже — длинный стол, двенадцать стульев, экран на стене. За столом — я, мой непосредственный начальник Виктор Павлович (директор департамента, человек с красным лицом и привычкой перебивать), два руководителя проектов, бухгалтер, юрист. И Елена — она сидит в углу с блокнотом, протоколирует. Это моя инициатива — пусть учится.

Обсуждаем три проекта. Первый — в графике. Второй — отставание на неделю, но в пределах допустимого. Третий — «Техносерв», поставка оборудования для нового корпуса. И тут начинается.

— По третьему, — говорит Виктор Павлович, листая распечатку, — срок сдвигаем на три недели. Подрядчик не успевает по монтажным работам. Кто отвечает?

Я смотрю в свои бумаги. Отвечаю я.

— Подрядчик — «Бастион-М». Они сослались на задержку комплектующих из-за границы.

— Сослались, — повторяет Виктор Павлович. — А ты им поверила?

— Я запросила документы. Они предоставили письма от поставщика.

— Письма, — фыркает он. — Анна Сергеевна, у нас срок сдачи — конец марта. Три недели — это уже срыв. Я не могу пойти к совету с «письмами». Мне нужен конкретный план.

Я киваю. Внутри — холодное, знакомое раздражение. Не на Виктора Павловича. На себя. Я должна была проконтролировать жёстче. Я должна была позвонить лично. Я должна была —

— Я свяжусь с подрядчиком сегодня, — говорю я. — К вечеру будет план выхода на график.

— До вечера — это поздно. Свяжись сейчас. При нас.

Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Все смотрят на меня.

Я достаю телефон. Нахожу номер Олега в рабочих контактах — он там как учредитель «Бастион-М», а не как муж. Это разные номера. Я набираю.

Гудок. Второй. Третий.

— Да.

Голос Олега — ровный, деловой. Как у человека, который не ждёт звонков от жены в одиннадцать утра.

— Олег, это Анна Сергеевна, замдиректора департамента. — Я делаю паузу, чтобы все в комнате поняли: это официальный звонок. — Мы обсуждаем срыв сроков по «Техносерву». Вы можете объяснить, что происходит?

В трубке — тишина. Секунды две. Я слышу, как он дышит.

— Анна Сергеевна, — говорит он ровно, — мы уже направляли вам официальные письма. Задержка комплектующих.

— Я вижу письма. Письма не сдвигают сроки. Мне нужен план.

— План будет направлен сегодня до конца дня.

— Мне нужен план сейчас.

— Анна Сергеевна, я на объекте. Я не могу —

— Олег. — Я понижаю голос. Это хуже, чем если бы я повысила. — Ты понимаешь, что из-за твоей фирмы у нас под угрозой весь квартал? Ты понимаешь, что я сейчас сижу на совещании, и мне нужно объяснить директору департамента, почему мы не укладываемся в график?

В трубке — тишина.

— Я понимаю, — говорит он наконец.

— Тогда почему ты не позвонил мне лично? Почему я узнаю о проблеме из сводки, которую мне принесли утром?

— Анна Сергеевна, я звонил вашему помощнику. Мне сказали, что вы заняты.

— Мой помощник — не ты. Ты звонишь мне. Лично. Когда речь идёт о срыве.

— Я понял.

— Ты понял. — Я делаю паузу. Смотрю на Виктора Павловича. Он кивает — продолжай. — Хорошо. План — через два часа. Не через шесть. Через два. Иначе мы ставим вопрос о замене подрядчика.

— Анна Сергеевна, замена подрядчика — это ещё три месяца.

— Тогда у тебя два часа на план.

Я кладу трубку.

В переговорной тихо. Виктор Павлович кивает.

— Правильно, — говорит он. — Жёстко. Так и надо.

Я киваю в ответ. Внутри — ничего. Ни удовольствия, ни стыда. Просто холодное, ровное ощущение выполненного долга. Я сделала то, что должна была сделать. Я — руководитель. Он — подрядчик. Между нами — контракт. Ничего личного.

Я поднимаю глаза.

Елена сидит в углу. Она не пишет. Она смотрит на меня. Её лицо — спокойное, внимательное. Она смотрит так, как смотрят на хорошего лектора — с интересом, с лёгким восхищением, без осуждения.

Я отвожу взгляд.

— Продолжаем, — говорю я. — Следующий пункт.

После совещания я сижу в кабинете одна. Дверь закрыта. Я смотрю в окно — вниз, во дворе, стоят машины. Серые, чёрные, белые. Ни одной красной. Я не знаю, на чём Олег ездит на объект. Я вообще не знаю, где его машина стоит ночью.

Телефон вибрирует. Сообщение. Не от Олега — от его помощника, мастера участка: «Анна Сергеевна, план будет через полтора часа. Олег Владимирович просил передать».

Я отвечаю: «Жду».

Кладу телефон. Открываю почту. Отвечаю на двенадцать писем. В три дня приходит план — аккуратный, в формате Excel, с диаграммой Ганта. Я смотрю на него и понимаю: план нормальный. Олег его сделал хорошо. Он всегда делает хорошо — когда делает. Проблема не в плане. Проблема в том, что я должна была звонить ему не при всех.

Но я звонила при всех. Потому что так надо. Потому что я — замдиректора, а он — подрядчик. Потому что если я сделаю исключение для него, я сделаю исключение для всех.

Я отправляю план Виктору Павловичу. Пишу: «План получен, отработка — с понедельника».

В четыре дня стучат в дверь.

— Войдите.

Входит Елена. В руках — папка.

— Анна Сергеевна, сводка по «Техносерву». И ещё — я подготовила проект письма подрядчику с требованием ускорить работы. Посмотрите, пожалуйста.

Я беру папку. Листаю. Письмо составлено грамотно — сухо, по делу, без эмоций. Я поднимаю глаза.

— Лена, это хорошо. Отправляй.

— Спасибо.

Она разворачивается, чтобы выйти. У двери останавливается.

— Анна Сергеевна, можно вопрос?

— Да.

— Вы сегодня на совещании — очень жёстко с подрядчиком. Это всегда так?

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. Её лицо — открытое, любопытное. Она не пытается меня поймать. Ей правда интересно.

— Когда речь идёт о сроках — да. Всегда так.

— Понятно. — Она кивает. — Просто я раньше работала в частной компании, там было мягче.

— В частной компании считают деньги. Здесь — считают сроки. Это разные вещи.

— Я поняла. Спасибо.

Она выходит. Дверь закрывается.

Я смотрю на папку с письмом. Письмо хорошее. Елена умница. Я была права — перспективная. Через два года она уйдёт. Я даже порекомендую её кому-нибудь из партнёров. Это нормальный финал.

Я допиваю остывший кофе. В пять тридцать собираюсь. В шесть ноль-ноль я дома.

В прихожей — тишина. Обувь Олега стоит на полке, аккуратно, носками вправо. Его привычка. Я разуваясь, ставлю свои туфли носками влево. Мы так и не договорились, как правильно.

На кухне — запах жареного. Олег стоит у плиты, переворачивает котлеты. Он уже переоделся — в домашние джинсы и серую футболку. Форма висит в прихожей на специальном плечиках.

— Привет, — говорит он, не оборачиваясь.

— Привет.

— Кирилл в комнате. Уроки делает.

— Хорошо.

Я вешаю пальто. Иду в ванную — помыть руки, смыть с лица офис. В зеркале — та же женщина, что и утром. Только тени под глазами глубже.

Я возвращаюсь на кухню. Олег ставит котлеты на тарелку.

— Будешь?

— Нет, спасибо. Я поем позже.

Он кивает. Несёт тарелку в гостиную. Садится на диван с тарелкой на коленях. Включает телевизор — новости.

Я стою в дверях кухни. Смотрю на его спину. Он ест медленно, смотрит в экран. Я хочу сказать ему что-то — про совещание, про звонок, про то, что я была резка. Но я не говорю. Потому что не знаю, как это сказать. Потому что между нами — не разговор. Между нами — функция. Он выполняет функцию мужа. Я выполняю функцию жены. Кирилл выполняет функцию сына. Всё работает. Никто не счастлив. Но всё работает.

Я разворачиваюсь. Иду в свою комнату — ту, которую мы когда-то называли «кабинетом». Закрываю дверь. Сажусь за стол. Открываю ноутбук.

Работаю до одиннадцати.

Когда ложусь, Олега в постели уже нет. Я слышу из гостиной звук телевизора — тихо, почти шёпотом. Он смотрит что-то ночное. Я лежу с открытыми глазами. Смотрю в потолок.

Завтра — новый день. Завтра — снова в пять тридцать. Завтра — снова всё будет работать.

Я закрываю глаза.

Я не знаю, что через четыре месяца я буду сидеть в судебном коридоре с флешкой в кармане. Я не знаю, что эта флешка будет весить больше, чем вся моя жизнь. Я не знаю, что Олег, который сейчас смотрит телевизор в гостиной, через четыре месяца будет сидеть напротив меня и писать ей сообщения.

Я просто засыпаю. Как обычно. Как всегда.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.